

ПАНОРАМА МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Год Франции в России

В рамках Года Франции в России и России во Франции мы начинаем серию публикаций, посвященных французской философии. Главное место среди них занимают авторские работы, имеющие целью исследование тех или иных аспектов или направлений французской философии. Планируется также публикация ряда переводов статей, принадлежащих французским авторам.

ФРАНЦУЗСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ

А.М. РУТКЕВИЧ

С европейской философией русские стали знакомиться в XVIII в., научившись читать по-французски. Разумеется, и в Киевской Руси, и в Московском царстве «книжники» читали переведенные на церковнославянский язык труды греческих богословов, а выходцы из южной Руси, получившие образование в Киево-Могилянской академии, имели представление о метафизике и логике. Отсутствовала та среда, которая способствовала систематическому («школьному») распространению философии – в России не было университетов, не было юристов и врачей, которые перед тем, как получать профессиональные знания, учились логике и диалектике. Правда, с XVII в. и на Западе наиболее интересные и значимые философские учения возникали за пределами университетов. Философия приходит к нам вместе с математикой, физикой, историей: Ломоносов и Татищев были знакомы с трудами европейских философов. В университете чаще говорили и писали по-немецки, тогда как аристократия, подобно дворам всех европейских стран, выучилась ко второй половине XVIII в. говорить и читать по-французски. Императрица переписывалась с Вольтером и Дидро, одни придворные выписывали «Энциклопедию», другие получали интеллектуальную выучку у масонов.

Дух Просвещения проникает на вершины власти – Александра I воспитывает Лагарп. Учеба у французов продолжалась и после революции: в военном училище в Гатчине во времена Павла I, по воспоминаниям Ф. Глинки, преподавали бежавшие от террора

аристократы — исключительно на французском. К 1800 г. появляется слой европейски образованных дворян. В предисловии к одному из своих исторических романов М.А. Алданов писал, что на конец XVIII — начало XIX веков многие представители русской знати «в умственном и моральном отношении стояли не ниже, а выше большинства их знаменитых западных современников, участников Французской революции» (сказано это было далеким от «квасного патриотизма» писателем). Они читали Монтескье и Руссо, но сами были военными, дипломатами, придворными. Сначала в России появились читатели философских трудов, лишь через несколько десятилетий появляются собственные мыслители. И с новоевропейской, и с античной философией знакомятся по французским переводам. Скажем, Локка читали по-французски, сопоставляя его «Опыт» с сочинениями французских толкователей, вроде Гельвеция; Дэвид Хьюм стал в России Давидом Юмом именно потому, что с ним познакомились по переводу.

Хорошо известно то, что философские сочинения в России стали писать по немецким образцам. Князь Одоевский и «архивны юноши», затем ранние западники и славянофилы, конечно, прекрасно знали французский язык, но философами почитали Канта, Шеллинга, затем Гегеля. Чаадаев написал свои «Философические письма» по-французски, Герцен и Огарев в университетские годы читали графа Сен-Симона, Хомяков и Бакунин писали важнейшие свои работы по-французски, но учились мыслить все они уже у немцев. Следующие за ними поколения русских мыслителей также ориентируются на немецкую науку и философию.

В отличие от выходцев из знати, разночинцы (будущая «интеллигенция») скверно знают французский, а вот немецкий им в университете приходилось доучивать — среди профессоров долгое время преобладали немцы, да и немецкая наука с середины XIX в. была образцом не только для россиян. Даже те «передовые» идеи, которые имели хождение в среде русских интеллигентов, приходили не из Франции, а из Германии. Материализму учились не у Гольбаха и Гельвеция, а у Фейербаха и Бюхнера. Последователи Конта (Де Роберти, Вырубов) большую часть жизни прожили за границей, в России у них не нашлось последователей. К началу XX в. учиться философии, да и прочим наукам, едут в Германию и в немецкую Швейцарию, а марксисты в эмиграции читают не только Маркса с Энгельсом, но и «старших товарищей» из СДПГ.

В русской философии Серебряного века трудно найти отпечатки французских по своему происхождению идей. Одно исключение всем известно: Бергсона переводят (чаще всего плохо) и комментируют, находя у него родственные идеи. Иногда это родство сомнительно: достаточно вспомнить забавную рецензию Плеханова, обнаружившего в «Материи и памяти» теорию, близкую к марксизму. Н. Лосский понял Бергсона намного точнее, но его

собственный интуитивизм имел другие источники. Даже влияние французских символистов на символистов российских не следует преувеличивать в области идей — Канта и неокантианцев читали не только философы, но и поэты, вроде А. Белого.

Когда мы говорим о «влиянии» философских идей, то нужно четко понимать, что именно мы имеем в виду. Платон и Аристотель, конечно, повлияли на всю последующую европейскую философию, не исключая и учений тех, кто с ними полемизировал. Конечно, эпигоны и популяризаторы всегда находятся «под влиянием» тех, кто их обучил азам философии. В случае самостоятельных мыслителей «влияние» сводится к тому, что круг проблем для них задан определенной традицией. Воззрения Спинозы и Лейбница отличаются от воззрений Декарта, но первые решают проблемы, поставленные последним. О влиянии в совсем ином смысле приходится говорить в том случае, когда некая система идей догматически принимается за истинную и получает поддержку от институтов, лежащих за пределами самой философии. Средневековая схоластика, неотомизм в первой половине XX в. могут служить примерами такой институционализации философии. Нам хорошо известен другой пример официальной философии — диалектический материализм на несколько десятилетий стал единственной формой публичного существования философии.

В XIX веке философия возвращается в европейские и американские университеты, философом отныне считается профессор философии, защитивший диссертацию, публикующий монографии и статьи в академических журналах. В России такая институционализация философии до 1917 г. только начиналась, а потому почти не было диссертаций и монографий, посвященных французским мыслителям. Эта трансформация философии происходила в советское время, причем окончательно она стала «академической» только после войны. Можно сказать, что пиком влияния французской философии была именно эта эпоха. Хотя «немецкая классическая философия» считалась одним из источников марксизма (а французский социализм считался другим), на деле диалектический материализм, преподававшийся в сотнях вузов и техникумов, был, прежде всего, наследником французского Просвещения. С 1920-х годов французских просветителей переводят и комментируют, опираясь на несколько основополагающих текстов «классиков». Известный отрывок из «Святого семейства» Маркса и Энгельса, в котором сочувственно рассматривается сенсуализм просветителей (изложенный Набоковым в стихах — «чтобы не было так скучно»), прямо соотносится с важнейшими идеологемами марксизма — в оригинальном французском тексте «Интернационала» поется: «...из прошлого мы сделаем чистую доску» (в переводе: «Весь мир насилия мы разрушим...»). «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина мало чем отличается от воззрений Гольбаха, в «Развитии монистического

взгляда на историю» Плеханова о французских просветителях говорится куда больше, чем о Гегеле... Поэтому, если иметь в виду именно такого сорта «вливание» французской мысли, наибольшим оно было в советской идеологизированной философии.

Тем не менее, институционализация философии способствовала тому, что статьи и диссертации стали писать о французских философах, не принадлежавших к Просвещению. Переводятся и издаются труды Монтеня и Декарта, в университете будущие философы обязаны читать «Творческую эволюцию» Бергсона и знакомиться с экзистенциализмом Сартра. Так как западный марксизм существовал в другой среде и развивался без «опеки» идеологического отдела ЦК КПСС, то со времен «оттепели» в Советский Союз стали проникать идеи французских «левых». Пожалуй, ни об одном французском мыслителе не было написано столько монографий, сколько о Сартре. В 1960-е годы марксизм начинают «гуманизировать» в духе экзистенциализма, в 1970-е – появляются те, кто желает читать «Капитал» на манер Альтюссера и Балибара. Иногда эти два способа философствования сочетаются – примером может служить Мамардашвили. С философией Сартра и Камю знакомятся по переведенным пьесам и романам, но Фуко и Леви-Строса издают уже для «научных библиотек».

Было бы неуместно перечислять здесь огромное число хороших и дурных монографий, учебников, переводов той эпохи. Вместе с крахом советской системы исчез идеологический контроль, появились возможности для учебы за границей, многочисленные гранты и т.п. В то же самое время философия перестает быть важной составляющей политики, она становится частным делом тех, кому она интересна. Довольно быстро сокращается число тех, кто изучает в школе французский язык, но сотни гуманитариев получают образование во Франции, десятки пользуются грантами (вроде «стипендии Дидро») или субсидиями французского посольства («программа Пушкин»). На протяжении двух десятилетий было переведено много книг, защищено немало диссертаций по французской философии. Интерес у молодежи вызывали, прежде всего, сочинения тех мыслителей, которых нередко именуют «постмодернистами», несмотря на все различия их теорий. Так как труды Деррида и Фуко, Делёза и Лиотара получили широкую известность за пределами Франции, с их идеями знакомятся и те, кто не знает французского языка – мне уже не раз доводилось сталкиваться с поклонниками «постмодерна», изучавшими французские доктрины по английским переводам. Одни интерпретаторы этих доктрин известны и во Франции (Н.С. Автономова была награждена французским орденом за свою многолетнюю работу), другие безвестны и у нас, поскольку выучились только подражать – слово «деконструкция», кажется, прижилось в России в значениях, о которых не ведал Деррида. Впрочем, и слово «постмодерн» обросло

странными коннотациями: мэр Москвы не единожды употреблял его почти так же, как Хрущев слово «абстракционизм».

К сожалению, не растет число тех, кто читает труды тех французских мыслителей, которые никогда не становились «модными» хоть в самой Франции, хоть за ее пределами. Они куда более интересны для университетских философов, к коим принадлежит и автор этих строк. Во Франции выходят превосходные историко-философские работы, книги по метафизике, этике и философии права. Однако они интересны узкому кругу специалистов, а французская философия в России со времен Вольтера и Дидро осваивается за пределами университетов. Подозреваю, что вскоре у нас появятся почитатели таких «звезд» французских СМИ, как Финкелькро, Брюкнер, Онфрэ, которые вытеснили с экрана не только жалких «новых философов», но и мэтров предшествующего поколения.

Похоже, именно так воспринимается в России французская философия: как своеобразное сочетание художественной литературы и политической публицистики. Она всегда актуальна, близка жизни читателей и почитателей. Именно поэтому она на какое-то время делается «модной», а потом из моды выходит и сменяется другой. Гельвеций уступал и по литературному таланту, и по силе мысли не только Декарту и Паскалю, но даже Ларошфуко и Вовенаргу, однако его сочинение было сожжено рукой палача. В России получали хождение почти исключительно идеи французских «левых», идет ли речь о просветителях, экзистенциалистах или «постструктуралистах». Но это и неудивительно, поскольку и в прочих странах, да и в самой Франции, широкую известность получали мысли тех, кто не замыкался в узких рамках «школьной» философии, стремился ставить и решать проблемы, значимые для большинства сограждан, а не только для своего цеха. Однако тем, кто к этому цеху принадлежит, нужно заниматься своим делом, а потому знакомиться с сочинениями мыслителей, идеи которых не превращаются в достояние общественного мнения и не служат той или иной идеологии.

Философы не обитают в замке из слоновой кости, но они решают не слишком интересные для «широкой общественности» проблемы — пока они заняты именно своим делом. То, что в сегодняшней России власть имущие игнорируют философию и ничего в ней не понимают, имеет множество негативных последствий для системы образования, издания периодики и переводов классики. Но есть и одно положительное следствие: никто не обязывает философа читать модный вздор или излагать в лекциях официальную доктрину. Мы можем следовать заповеди французского философа и социолога О. Конта: блюсти «ментальную гигиену» и читать лишь тех мыслителей, которые ставят интересные для нас самих вопросы.

*А.М. Руткевич,
руководитель проекта*